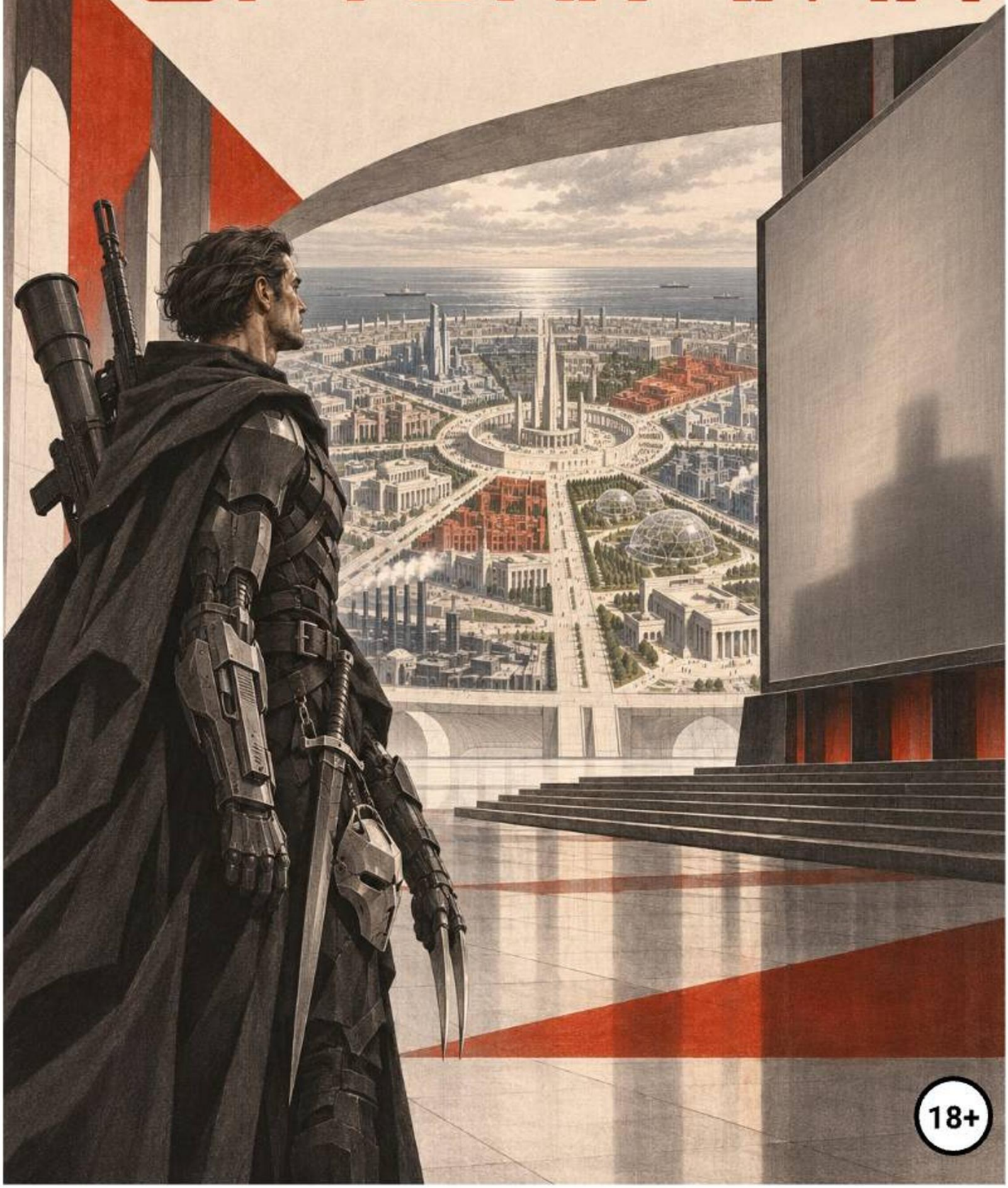
АЛЕКСАНДР ШАДОВ

ОРТОКРАТИЯ



18+

Александр Шадов

Ортократия

«Автор»
2026

Шадов А.

Ортократия / А. Шадов — «Автор», 2026

В 2014 году студенту предлагают описать идеальное государство. Ответ переносит его в будущее, где людям позволено строить жизнь среди единомышленников, а общий закон должен удерживать их от войны.
В столице Ске́пте встречаются разные представления об истине и справедливости. Четыре судьбы испытывают этот порядок на прочность: государство может развести убеждения по разным территориям, но не может устранить сомнение, любовь и жажду власти.

© Шадов А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

День I (01.09.37): Идеальное государство 6
Глава I: Предисловие к первому дню 7
Глава II: Скепта 8
Глава III: Стат Сервус 10
Глава IV: Анаксарх Декус 13
Глава V: Александр Гиле 15
Глава VI: Агнос Абисус 17
Глава VII: Общежитие 20
День II (10.09.37): Проблемы не тлеют даже в раю 21
Глава I: Авторитет 22
Глава II: Третье убийство 24
Глава III: Поэтический критик 27
Глава IV: Беседа с главным редактором 29
Глава V: Ректор и шуньявада 32
Глава VI: Бесконечная фантазия 34
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Александр Шадов
Ортократия

Ортократия

День I (01.09.37): Идеальное государство

Глава I: Предисловие к первому дню

01.09.14.

Санкт-Петербург – массив классической архитектуры, окруженный бетонными коробками. Никакой тишины. Дороги – переполнены. Люди рядовыми тараканами разбегались по этой старинной квартирке. Я же, влившись в безграничный поток, мчался по Васильевскому острову в направлении своего Университета. Стремительно обгоняя таракашек, я подошел к очередному светофору, уже третьему на моем пути. Так приятно осознавать себя частью этой городской возни. Дождя не было, но зонт я с собой взял. Если вы никогда не жили в Санкт-Петербурге, то я вас предупреждаю: если в этом городе нет дождя, то, скорее всего, он переместился в самое засушливое место на этой маленькой планетке.

По пути меня посещали многие мысли, но я во всем был абсолютно неуверен. Впрочем, я не уверен почти всегда. А в чем я мог бы быть уверенным? Наконец-то я добрался до Университета и принялся читать книжку, закрывшись в ближайшей свободной аудитории. Но он меня нашел! Я прятался от него! Я бежал от него! Я старался сделать все, чтобы он меня не нашел! Я мог бы даже спрятаться за камуфляжем! Но он меня нашел! Мой одногруппник зашел в аудиторию и поздоровался со мной. Я сделал вид, что рад его видеть, и поздоровался в ответ, немного наклонив голову. Мой «приятель» сел за соседнюю парту. Я продолжал читать. Он начал ерзать, очевидно, желая что-то сказать. Я вежливо повернулся к нему, но до того, как я успел это сделать, он уже успел задать тот вопрос, который, вероятно, он готовил все лето.

– Вот, Саш, а ты мог бы мне ответить, какое должно быть идеальное государство?

Я, как обычно, немного помолчал, сделав вид, что задумался. А после, по своему обыкновению, ответил:

– Я не знаю.

Да, я почти всегда так отвечал на его вопросы, как и на все прочие. Мой «друг» оценивал это как высокую степень безразличия, за что часто корил меня. Нельзя быть таким безразличным! Надо проявлять интересы к таким важным вопросам! Но он-то не знал, что интерес я проявляю ко всем вопросам, просто мой итоговый ответ всегда состоял из трех слов: «я не знаю». Взвешивая различные возможности, я всегда прихожу к тому, что не могу сделать итогового вывода. Даже если бы я ему соврал и попытался бы зарисовать идеальное государство, то я бы ответил неискренне, но, как мне кажется, всякий человек заслуживает от меня правды, потому я отвечаю, что я не знаю.

Впрочем, мой одногруппник подкинул мне пищу для размышлений. Теперь я решил попробовать создать свой макет государства. Нет, это государство не будет идеальным. Оно не будет утопией или антиутопией. Это просто один вариант из бесконечного множества. Я мог бы выдумать бесчисленное количество таких государств, но я принялся работать над одним.

На занятиях по философии я расписал несколько листов, описывающих это идеальное государство. Я зарисовал одежду основных представителей этого государства, расписал функции основных управляющих людей. Управлял этим государством правитель (или правители, что не важно). Было лишь одно условие…

Глава II: Скепта

Здравствуй, иностранец. Я знаю, твой путь был долгим. Я ждал тебя. Позволь мне рассказать тебе одну историю о четырех интереснейших людях. Мы живем по ортодоксологическому календарю. У нас сейчас 1037 год от рождения Первого Беспредрассудочного. По христианскому календарю это был бы 3014 год. Возможно, ты прибыл из тех мест, где годы исчисляются по старой мерке.

Эта история произошла в Скепте, столице всего цивилизованного мира, располагающейся на берегу Финляндского залива. Скепта – город, в котором собрались представители практически всех мнений. Если вы, мой уважаемый гость, не знаете, то обычно такого в нашем мире не встретить. Создатель позаботился о том, чтобы разделить весь мир на регионы, где живут отдельно друг от друга представители различных философских, религиозных и научных конфессий. В каждом таком регионе есть свой правитель, который отвечает за своих жителей. Правда, армии ни у одного правителя нет. Все войска в нашем громадном государстве принадлежат самому главному правителю, находящемуся в Скепте. Управляющие региональными идеологическими государствами люди понимают свою ответственность и военную слабость, потому не пытаются ввязать свой народ в бесконечную череду войн. Самое же главное — нет никакой объективной необходимости защищать свое мнение военным путем, ведь и другим регионам война запрещена.

Армия же Скепты невелика, но технически безупречна. Её не боятся. Это справедливая армия. Она следит за тем, чтобы споры не решались военным путем. Переход же из одной религии в другую возможен, если человека смогли переубедить миссионеры другой религии либо философского течения.

Города в нашем государстве круглые и делятся на сектора. В секторах живут разные секты, т. е. разновидности того или иного направления мысли. Например, есть у нас регион христиан, очень большой. Там города делятся на сектора по признаку исповедуемого направления христианства: протестантизм, католицизм, православие… В центре каждого города находятся зоны, где люди могут встретить представителей других сект, поторговать с ними, поспорить. Возможность переходить из одной секты в другую все еще никто не отменял. Важно разделить наиболее агрессивные секты, чтобы они не находились рядом, дабы не провоцировать конфликт.

В нашем мире царит атмосфера плюралистического покоя. Множество людей, множество мнений – жаль, конечно, ни одно из них не доминирует, но зато другие мнения при этом не принижаются. Беспристрастный говорил, что нельзя давать тем или иным мнениям преимущества в сравнении с другими, иначе предпочитаемые мнения станут нашими тиранами.

Относительно правителя всего нашего государства стоит сказать, что он ортодоксолог, да, как и тот самый, Первый Ортодоксолог. Но про ортодоксологов я поведаю вам чуть позже. Вам важно знать лишь то, что это умнейшие люди на планете. Правителя же никто не знает в лицо. Он постоянно скрыт. Возможно, у него есть друзья, которые даже не знают о том, что он правитель. Так завещал Всепонимающий.

Я всегда забываю осведомить путников. У нас свой календарь. Наверное, вы уже заметили это, исходя из названий месяцев. Каждый месяц носит имя одного из людей, приближенных к Скептику, и по времени соответствует месяцам юлианского календаря.

Времен года также четыре, но называются они по стихиям: огонь, вода, воздух, земля, где огонь – лето, вода – осень, воздух – зима, а земля – весна. Стихийный подход к временам года обусловлен тем, что Великий Сомневающийся занимался первоэлементами.

В неделе ортодоксологических городов всего четыре дня: читта, вак, кая и шунья. Читта – день ума и ясности. В этот день желательно уделять внимание чтению, интеллектуальной работе, рефлексии и развитию внимания. Вак – день речи и бесед. В этот день желательно проводить всю организационную работу, все беседы, все групповые размышления. Кая – день тела. В этот день желательно заниматься физическими упражнениями и физическим трудом. Шунья – день пустоты. В этот день желательно не заниматься ничем. Правда, такого расписания не придерживается никто. Оно было введено условно и взято Великим из индийской традиции. На те же четыре части можно разделить и любой день. Ум – утро, речь – день, тело – вечер, шунья – ночь.

Глава III: Стат Сервус

08:13.

Высокий мужчина, полностью скрытый под черным балахоном, медленно шел по темному коридору. Он двигался очень тяжело, полу доставалось немало. Казалось, что он весил больше тонны, хотя и не выглядел толстым. Наш герой зашел в большую залу, где в центре располагалась массивная ширма, за которой восседал правитель. Мужчина подошел к ширме, снял капюшон, а потом полностью скинул с себя черный балахон. Он был одет в черные металлические доспехи. На самом деле это был изящный биокостюм, усиливающий и защищающий своего носителя. На поясе мужчины висели металлическая маска и меч. За спиной можно было разглядеть ракетницу и винтовку. В правую руку был вмонтирован пистолет, а в левую — два острых когтя. Его лицо было открыто. Он был очень серьезным. Темные волосы его были неаккуратно уложены назад, утренняя щетина так и не была сбрита. Он пристально посмотрел на ширму, ожидая, что правитель заговорит с ним.

Вдруг послышался протяжный мужской бас:

– Стат Сервус, мой страж, ты наконец-то прибыл.

Металлический солдат встал на одно колено и ответил:

– Да, я здесь.

– Ты так тяжело опустился на пол… мне даже показалось, что началось землетрясение.

– Простите, господин, – произнес страж, поднимаясь на ноги.

– Не зря Истинно Сомневающийся придумал стражей.

– Я соглашусь с вами, правитель.

– Не нужно этих формальностей. Я такой же человек, как и ты. И для меня правление – бремя, отвлекающее от размышлений. Стражи – элитные воины, каждый из которых может победить небольшую армию. Не зря Несоизмеримо Мудрый придумал вас, идею для ваших костюмов. Он помог сделать наилучших людей непобедимыми.

– Не думаю, что ортодоксологов можно назвать наилучшими людьми.

– Но ты один из нас.

– Безусловно, потому что я иначе не могу.

– Да, ты, Стат, мудр. Только мудрый человек может стать стражем. Но есть одна проблема.

– Слушаю вас.

– Ходят слухи, что в стражи смог пробиться человек неблагородный. Он не смог сдать ортодоксологического экзамена. Ты сам знаешь, что это значит.

– Да, если он не ортодоксолог, то он подвержен мнимости и не умеет ей управлять. Если так, то он в костюме стража может быть опасен.

– Именно, Стат.

– Но как он смог стать стражем?

– Глубокомысленный в свое время отменил практически всю бесполезную документацию и спас мир от бюрократии. К сожалению, вместе с бесполезной документацией пропала и полезная. Сам понимаешь, что хитрец с легкостью может воспользоваться нашими порядками, чтобы занять то место, которое ему принадлежать не должно.

– Я думал, что все стражи находятся под строгим учетом.

– Именно, но есть свои тайные ходы. Судя по всему, предатель уже здесь. Мы потеряли двух стражей за последние две недели. В прошлом месяце, Олегии, из жизни ушло два здоровых, физически подготовленных, бронированных, вооруженных до зубов солдата.

– Бытию наплевать.

– Да, Стат, потому наплевать должно быть и нам, но мы не можем потерять все то, что мы так долго строили, пусть нам и плевать. Я доверяю тебе. Ты – один из самых талантливых ортодоксологов, ты – прекрасный страж. Ты найдешь убийцу.

– Хорошо, повелитель.

– Желаю тебе сомнения.

– И вам сомнения, повелитель!

– Можешь идти.

Стат накинул балахон, надел капюшон и покинул залу. Первым делом мужчина направился к своей хорошей подруге, Зое, которая с удовольствием бы помогла ему во всем, потому что женщина была влюблена в этого сурового и серьезного воина. Девушка тоже была стражем. Она была в меру красива, она была ортодоксологом, она была высока и стройна – мечта, а не девушка, но Стат был стоически непробиваем.

Мужчина постучался в дверь. Зоя открыла, поздоровалась и пригласила возлюбленного в свой кабинет. Она была также полностью скрыта за доспехами. Только её прекрасное и юное лицо наивно поворачивалось в сторону Стата, а её длинные рыжие волосы спускались до плеч.

– Какими судьбами сюда занесло моего верного товарища? – спросила красавица.

Страж сел в кресло, чуть его не сломав своим нереальным весом, а после уже ответил:

– Правитель возложил на меня миссию. Я должен найти убийцу.

– Того самого? – заинтересованно спросила Зоя.

Стат ответил абсолютно без эмоций:

– Да.

– Это опасно, тебе нужно было бы отказаться от этого задания.

– Бытию наплевать на опасности, а…

Девушка перебила:

– Значит, плевать и мне. Эта фраза уже стала похожа на догму. Я не думаю, что Скептик хотел бы, чтобы мы повторяли за ним все его высказывания. Я думаю, он хотел бы, чтобы мы были сами себе светильниками.

– Не умничай.

Зоя покраснела.

– Стат, не груби мне. Я тоже ортодоксолог и тоже страж. Мы с тобой равны.

– Мы же друзья, потому я могу над тобой подшучивать.

Девушка усмехнулась.

– Так это шутка была! Я иногда забываю, что все твои шутки похожи на оскорбления!

– Так ты мне поможешь найти убийцу?

– Да, особенно если он попытается меня убить.

Стоит заметить, что стражи – особые люди в нашем мире. Они – ортодоксологи. Что значит это странное слово? Ортодоксолог – это человек, изучающий чужие мнения, не имея при этом своего собственного. Конечно, по Зое и Стату не скажешь, что они не имеют мнений. Но экзамены они сдали с отличием. Более того, их прекрасная физическая форма позволила им занять такой ответственный пост. Зоя еще с Университета любила Стата, но он не отвечал ей взаимностью.

Девушка подошла к полке и достала бутылку вина.

– Может, выпьем? Мы давно не виделись.

– Я не пью, – ответил мужчина, – ты же знаешь.

Да, Зоя знала, но надежды не теряла. Мужчины непостоянны. Она все еще надеялась, что его нрав смягчится, но Стат был непробиваем. Трудно сказать, что он мог вообще в кого-то влюбиться. Он был полностью поглощен службой государству. Он любил правителя больше, чем кого-либо. Его сердце было заполнено другими заботами, и он даже не пытался найти

себе женщину своей мечты. Этой мечты просто не было. Женщина бы мешала ему, постоянно отвлекала, портила бы настроение – кому это нужно?

Зоя спросила, садясь на диване рядом:

– Тебе не кажется, что наше государство стало распространять зло по миру?

– О чем ты?

– Ну, раньше, когда еще были Россия, США, Европа, тогда не было ни одной войны, Священнейший смог договориться об объединении большинства стран. Но, как ты знаешь, до сих пор остались страны третьего мира, которые не присоединились к нашему планетарному государству. Тысячу лет мы их не трогали, но сейчас происходит что-то странное. Армии отправляются к границам. Мы готовимся к войне против беспомощных туземцев, не захотевших стать частью нашего государства.

– Наше государство – идеально.

– Демократы-убийцы оправдывались тем же самым. Не думаю, что стоит тебе объяснять. Этот мир относителен, непонятен, таинственен. Но это не значит, что мы должны кого-то убивать.

– Бытию…

– … Наплевать, я знаю, но так можно оправдать абсолютно все! Первый Подлинно Сомневающийся разделял теоретическую и практическую позиции. Да, говорил он, в теории бытию наплевать, нам наплевать, всему миру наплевать, но как дело доходит до действий, то нам нужно что-то предпринять. И Он всегда делал выбор в пользу сохранения жизни, движения, сохранения адекватной дискуссии.

– Но Он же не любил и интеллектуальные войны. И часто писал, что кулак – самый убедительный аргумент.

– Из Его текстов, правда, нельзя сделать однозначного вывода, потому мы должны думать сами. Для этого, вероятно, они и предназначались.

Стат встал и поклонился.

– Я уже пойду.

– Торопишься куда-то?

– Да, я хочу спать. Ты же знаешь, что я работаю стражем на полставки.

– До встречи.

Страж покинул кабинет Зои. 10:00. Щелчок.

Глава IV: Анаксарх Декус

11:16.

День только начинался. Мужчина с прямой осанкой, в светлом пиджаке и с широкой улыбкой радостно шел по улице. Его темные волосы были растрепаны, а лицо начисто выбрито. Он шагал легко и свободно, будто летел. Солнце таинственно выглядывало из-за облаков, согревая Анаксарха, нашего нового героя. Анаксарх верил в мировой разум, создавший весь этот мир. Он, увидев старушку, сидевшую на Дворцовой площади, подал ей немалую сумму из своего кармана. Мужчина летел на свидание к своей нежной и скромной возлюбленной.

Арета Афинская уже ждала его на набережной, обнимая себя, чтобы согреться. На улице было все еще тепло, но девушка, судя по всему, выбрала слишком легкое одеяние. Легкие потоки ветра уносили тепло с её худеньких ног. Её невзрачное платье колыхалось, будто языки пламени. Её светлые и длинные волосы лезли в лицо. Она вглядывалась вдаль своими светло-голубыми глазами, пытаясь увидеть своего возлюбленного, который постоянно опаздывал.

Анаксарх наконец-то появился на горизонте. Он, наслаждаясь каждым моментом, легко летел по набережной. Арета пошла ему навстречу. Наконец-то они сошлись. Они не обнялись, не поцеловались, даже не прикоснулись друг к другу – еще было слишком рано, ведь встречались они всего-то два с половиной года. Только два нежных взгляда пересеклись в одной точке, а потом мужчина с любовью сказал:

– Здравствуй, мой ангел.

Девушка, покраснев, ответила:

– Привет, любимый.

– Я сочинил для тебя стих!

Арета покраснела еще сильнее, но радостно кивнула. Анаксарх приподнялся на носочки, поднял руку вверх, словно дирижер, и начал читать свой наивный стишок про чистую и вечную любовь. Арете очень нравились такие стихи. В них не было и намека на пошлость. Она была счастлива. Когда стихотворение закончилось, стало тихо. Лишь прохожие косо поглядывали на счастливого поэта, бормоча какие-то гадости себе под нос.

На самом деле возлюбленные практически не говорили. Они просто молча гуляли по бывшему Санкт-Петербургу, наслаждаясь его красотами, переданными нам из былых времен. Иногда Анаксарх приносил на свидание свою скрипку и играл какую-нибудь душевную мелодию для любви всей своей жизни. Арета часто плакала от счастья. Вот и сегодня она была бесконечно счастлива. Они гуляли около часа, а потом разошлись, попрощавшись нежными взглядами.

Анаксарха же в баре ждал его верный друг, певец и алкоголик – Пиррон. Он тоже был идеалистом и моралистом, но, к сожалению, судьба сыграла с ним злую шутку. Его милую возлюбленную однажды сбила машина. Нет, девушка не умерла, но осталась инвалидом на всю жизнь. Более того, она потеряла память. Родители же этой девушки не стали терять время и быстро спасли свою дочурку из лап обольстительного певца, который её бесконечно любил. После этого мужчина начал систематически выпивать. Да еще как систематически! Это было похоже на тренировку! С каждым днем он увеличивал количество выпитого на пару рюмок! Сейчас же он пил алкоголь так, словно воду. Казалось даже, что спиртное на него вообще не действует… казалось первые двадцать-тридцать минут…

К счастью, двадцати минут все еще не прошло. Анаксарх успел вовремя. Он подсел к своему другу и после радостно поздоровался. Пиррон ответил:

– Да-да, не мешай мне.

– Так что же, друг, ты сделал то, что я просил?

– Да, завтра тебя ждет встреча с Арестом Поэтоном. Но учти, это гнилой человек.

– Я не сужу о людях со слов других людей.

– Он не напечатает тебя, я же говорю.

– Я смогу его убедить!

– Ты уже говорил, но я в сотый раз тебе повторяю: он критик и редактор, у него печатаются только его друзья и люди с похожими взглядами. Он обожает классику, хотя, судя по всему, совсем её не понимает. Ему сказали, что это – эталон, вот он и сверяет все с этим эталоном. Ты пишешь не так. Ты слишком светлый, добрый и наивный человек.

– Я не отрицаю, что я хуже классиков.

– Никто из творящих по-настоящему не хуже классиков. Ты – честен, мой друг! Ты необычен!

– А я так хотел обрадовать Арету новым сборником. Она бы покраснела еще сильнее, чем обычно.

– Ах да, бросай ты её уже. Я тебе говорю, друг, не влюбляйся ни в кого!

Пиррон выпил еще одну рюмку. Радостное лицо Анаксарха было непоколебимо. Он привык к попыткам своего друга вселить в него пессимизм.

– Пир, ты же знаешь, что твои штучки на меня не работают. Я не откажусь от своих слов, чувств, эмоций и мыслей – таков мой путь.

– Да, Ан, потому-то ты единственный человек, который вселяет в меня надежду. Я все еще в глубине своей души продолжаю верить в то, что все может сложиться хорошо. Ты единственный не бросил меня в беде, за что я тебе бесконечно благодарен.

Пиррон выпил еще одну рюмку. Анаксарх понимал, что его приятель скоро выйдет из строя, потому-то он так и разговорился. Как говорил Анахарсис, греческий философ, у виноградной лозы есть три грозди: гроздь наслаждения, гроздь опьянения и гроздь омерзения.

– Друг, ты тоже мне помогаешь! Спасибо тебе!

– Не за что! – Голос Пиррона изменился. – Я тебя уважаю всем сердцем! Ты мой друг! Лучший друг!

– Хорошо, мой друг! Хорошо!

Анаксарху пришлось отвести своего друга домой. 14:02. Щелчок.

Глава V: Александр Гиле

14:32.

Гиле только проснулся в своей теплой кроватке. Он вскочил и мгновенно оделся. Он всегда носил темные классические одеяния и никогда не был счастлив. Он укладывал волосы набок, а его губы всегда свисали дугой постоянного негодования. Перемещался он всегда сгорбившись, шел с неохотой, но не тяжело, как Стат. Его ноги лениво задевали землю.

Александр Гиле уже шел на работу. Он был техником. Да, конечно, его элегантный костюм и его профессия друг с другом не соотносились. Он ненавидел свою работу. Трудно вообще сказать, что он любил в этой жизни. Он был влюблен в Лизу Поэтон, сестру редактора одного из издательств. Девушка не отвечала ему взаимностью, потому он писал депрессивные романы, которые хранились у него в компьютере. Он их, конечно же, никому не показывал. Зачем вообще показывать свое творчество жалким кусочкам материи, которые этого творчества не поймут? Ах да, я забыл сказать, что Александр был приверженцем материализма.

Стоит заметить, что в других городах представить себе такую ситуацию невозможно. Не могут друг с другом уживаться идеалисты и материалисты, но только не в Скепте. Скепта – это столица толерантности, столица плюрализма. Здесь собирается множество людей: от христиан до атеистов; от материалистов до агностиков; от сциентистов до антисциентистов. В Скепте такое разнообразие считается нормой.

Александр наконец-то дошел до своего рабочего места, переоделся и подошел к своему другу, Джону Гилберту, такому же материалисту.

– Привет, Гилберт.

– Здорово, Гил, ты что-то совсем плохо выглядишь, впрочем, как всегда.

– А от тебя все спиртом пасет, ненавижу алкоголиков.

Мужчины пожали друг другу руки и принялись за работу. Гилберт через несколько минут спросил:

– Как там твоя баба?

– Она все еще не моя, но я когда-нибудь заполучу её.

– Думаешь, что твои дешевые романчики смогут свести её с ума?

– Она будет моей. Я тебе говорю.

– Но ты все равно пожалеешь, бабы же они – дьяволицы, а твоя, судя по рассказам, вообще с головой не дружит. Найди легкодоступную бабу. Так проще.

– Но я не буду её любить.

– Любовь лишь следствие столкновения материальных частиц.

– Именно поэтому она и важна для меня.

Вдруг послышался голос начальника.

– Эй, вы двое, давайте быстрее работайте! Наш клиент не будет тысячу лет ждать свой автомобиль!

Друзья принялись за работу. Хотелось бы кое-что вам рассказать. Технический прогресс достиг таких высот, что людям необходимо работать часа по два-три в день. В остальном они проводят свободное время так, как посчитают нужным.

Джон спросил:

– Так что там с романами? Может, ты их напечатаешь?

– Да кто бы их напечатал?

– Фридрих Спот может. Говорят, что в главном издательстве конкурс.

– Да это все так относительно. Он, уверен, сразу раскритикует меня. Я не хочу, чтобы меня критиковали.

– Как знаешь, но если не попробуешь, то у тебя и шанса не будет. Проведешь всю свою жизнь здесь.

– Не хочу быть здесь, – ответил Александр.

– Никто не хочет. Вдруг тебе повезет?

– Да знаю я всех этих дураков-редакторов, они печатают только то, что им нравится. Шаг вправо, шаг влево – никакой печати, критика, поношения, презрение.

– Ты всегда делаешь вид, что все знаешь, но, представь, если ты сможешь заработать на своем романе, то и Лиза может стать твоей.

– Она холодна. Но она станет моей.

– Да, но для этого тебе нужно стать побогаче, согласись!

– Да, нужно стать!

– Так испытай судьбу, дурак!

– Сам дурак! – завопил Гиле.

Тут послышался крик начальника:

– Ах вы, ленивые идиоты, а ну работать!

Когда краткий рабочий день закончился, то два друга отправились в кафе. Они заняли самый дальний столик, чтобы хорошо побеседовать, но Александр, не продержавшись и десяти минут, посмотрел на часы и рванул к двери, впоследствии покинув кафе. 17:50. Щелчок.

Глава VI: Агнос Абисус

18:00.

Учитель по литературе, Агнос Абисус, уже опаздывал к своим студентам на вечернее занятие. Он летел с невероятной скоростью, спотыкаясь обо все, что только можно было. Его волосы были растрепаны, а лицо вечно недовольно. Только рассказывая о литературе, он взлетал духом. Агнос был агностиком.

Наконец-то достигнув нужной аудитории, педагог, поправив свой пиджак, влетел в помещение. Студенты лениво встали. Агнос поздоровался, поклонился и жестом показал, что его ученикам нужно сесть. Они последовали этому невербальному совету.

– Еще раз здравствуйте! – начал Агнос, вытаскивая из сумки весь необходимый материал. – Сегодня мы поговорим о великолепном романе Первого Сомневающегося. Этот роман стал легендой. Мы будем говорить, конечно же, об «Альфе и Омеге».

Сначала преподаватель, сидя за столом, ознакомил студентов с фабулой произведения и попытался разъяснить его смысл. Один из студентов незамедлительно поднял руку.

– У вас вопрос? – расстроенно спросил Агнос.

– Да, я бы хотел узнать. Вот вы говорите о том, что в романе говорится о широте взглядов, разнообразии позиций, уважении всех мнений друг к другу. Основная же идея его состоит в том, что мы можем думать абсолютно все, что угодно, а на самом деле реальный мир может оказаться совсем другим. Так вот, вопрос: не ограниченная ли это позиция для Сомневающегося?

– Сомневающийся был во многом агностиком, а агностицизм – это полнота незнания. Здесь нет никаких границ.

Конечно же, Агнос трактовал роман со своей агностической позиции. Скептик никогда не был агностиком. Учитель продолжил:

– Важно понимать, что границы знания очень четко обозначены. Мудрец не мог этого не видеть. Если мир не познать, то и границ нет, потому, исходя из такой разновидности агностицизма, Первый Сомневающийся начал разрабатывать теоретические положения, чтобы попытаться их понять. Впоследствии он смог создать государство, в котором уживаются люди, имеющие различные взгляды на жизнь. Все благодаря такому подходу.

Вдруг поднялась другая рука.

– Слушаю.

Студент спросил:

– Но я слышал, что Первый Сомневающийся был скептиком, а не агностиком.

– Здесь же очень тонка грань. – Агнос взлетел. – Вы тексты почитайте! Он иногда пишет так, словно он агностик! Он не может познать этот мир! Он знает, что не может!

Если быть честным, то Первый Сомневающийся нередко использовал догматические формулировки агностицизма, критицизма и любой другой формы догматизма, чтобы внести ясность в свою систему, правда, как вы можете судить, это же приводит нас к предвзятой трактовке текста. После занятия студенты разошлись, и Агнос отправился в столовую, где подсел к Тину, историку, изучающему книги и историю Всепроницающего. Он, как и все великие ученые, питался в обычной университетской столовой. Агнос спросил у старика:

– А Беспристрастнейший был агностиком?

Старик чуть не подавился макаронами. Медленно пережевав их, он посмотрел на своего собеседника и ответил:

– Нет, Скептик не был агностиком. Он во многом выступал против агностицизма, учитывая его. Он говорил, что даже познание того, возможно ли познание, – достоверно непознаваемо, проще говоря, он сомневается в этом.

– Ах, как нехорошо. А я уже рассказал студентам о том, что он был агностиком.

– Не стоит выдавать желаемое за действительное, лучше выдавать действительное за желаемое. У нас у всех есть свои мнения, и за это нас никто не пытается убить, более того, никто нас за них не презирает и не преследует. Вот Его достижения. Будь Он агностиком, так начались бы преследования, споры и презрения.

– Но агностики же не агрессивны.

– Не все. Тут никакая статистика не поможет, сам понимаешь. Допустим, на каждые десять агностиков мы наберем двух агрессивных. Допустим, агностики захватили власть в этом мире. Как следствие, мы получаем, что те два агрессивных агностика будут всеми силами притеснять другие мнения. Сейчас мы живем в мире без притеснения. Это прекрасно.

– Соглашусь. Никто не обвиняет меня в том, что я безбожник, и не пытается убить.

– Это не менее страшно, чем если бы ты пытался убить всякого, кто верит в бога.

– И здесь соглашусь. Но агностики не так радикальны, как верующие.

– Не соглашусь с тобой. Все зависит от времени, порядков, воспитания. В то время, когда зародилось христианство, многие его ходы были просто-напросто необходимы для выживания. Если бы там же появилась большая группа агностиков, то как она могла бы действовать по-иному, не погибнув?

– Но христиане сами впоследствии стали формировать то время, в котором жили.

– Да, именно, но стоит помнить о цепочке передатчиков. Более того, стоит учитывать и то, что христиане верят в царство небесное, а значит, царство земное для них не так важно. Как следствие, появляются предпосылки для того, чтобы плохие люди тем или иным образом реализовывали свои амбиции. Худших везде большинство.

Агнос задумался.

– Да, я думаю, ты прав. Слишком просто я попытался охарактеризовать христианство. Я часто тороплюсь с выводами, хоть и называю себя агностиком.

– Это нормально. Мудрость Первого Сомневающегося в том и состояла, что он перестал торопиться с выводами. Нам, обычным людям, такой подход может показаться невозможным, психологически нереализуемым. Но Он же сказал, что не стоит стесняться своей ограниченности. Если мы дико презираем свои границы, то создаем новые границы. До бесконечности.

– Ах, Тин, если бы я мог вот так изящно рассказывать о Великом! Мне куда ближе и понятнее работы других авторов. Я сам понимаю, что, сталкиваясь с творчеством Первого Отошедшего, я просто не имею никаких шансов.

– Это просто призрак кумира. Скептик не хотел бы, чтобы его превозносили за пустую славу. Скептик – достаточно понятен, если читать внимательно и бережно. Он не несет ничего сверх возможностей человека, но то, что он несет, все-таки как-то возвышает нас. Я все еще не ортодоксолог, а ученый-историк. Я приехал в Скепту, пытаясь найти правду. Я всегда мечтал узнать, как устроен мир. Всегда мечтал осознать все и понять! Я не знал, что мои основания так шатки. Я жил в своем регионе ученых, изучал историю науки, принадлежал к секте историков. Но все это оказалось пусто. Скепта преобразила меня. Здесь все переполнено этим самым человеком, которого я изучаю. И я знаю, что он бы не хотел быть кумиром. Он был бы просто рад, что его творческие усилия получили такой замечательный отклик, но, как говорится, бытию наплевать, а, следовательно, наплевать и Ему.

– Как же это противоречиво.

– Противоречие – естественная форма человеческого мышления. Чтобы сделать нашу речь непротиворечивой, нам нужно очень сильно постараться, но будет ли непротиворечивая речь значить истину? А, может, истина обязательно должна быть непротиворечива?

– Трудно сказать.

– Потому-то и стоит промолчать.

Поужинав, преподаватели разошлись. Агнос отправился к себе домой. Там его уже ждали его приятели по общежитию, в которое селили новоприбывших в Скепту. Всех его соседей вы уже знаете. Агностик сел за стол в центральной комнате и налил себе кофе. 21:00. Щелчок.

Глава VII: Общежитие

22:00.

Стат, Анаксарх, Александр и Агнос жили в одном общежитии. У них была большая общая кухня и пять маленьких комнат. Комнаты были украшены по-своему. Например, у Стата на стенах висели страницы из государственного кодекса; Анаксарх повесил над кроватью портреты Пушкина, Гете и Платона; Александр расставил по всем полочкам гипсовые бюстики Маркса и Энгельса; Агнос же заполнил всю свою комнату трудами Рассела. Я жил с этой четверкой в течение многих лет. Они были достаточно интересны. Они различались. Но все время они собирались вечером на кухне и обсуждали все, что их тревожит. Да, они просыпались в разное время, возвращались домой в разное время, но вечерний обряд – это святое.

Стат был уже без металлического костюма, он надел голубоватый мужской халат и лениво пережевывал салатик. Анаксарх довольно записывал в блокнот свое новое стихотворение, которое он завтра прочитает возлюбленной. Гиле перечитывал на ноутбуке свой роман, чтобы исправить в нем все ошибки. Агнос плюхнулся на стул, прижался к столу и закрыл голову руками.

Страж спросил агностика:

– Что случилось?

Тот ответил, даже не двинувшись:

– Мой приятель меня загрузил.

Анаксарх усмехнулся и поинтересовался:

– Что могло тебя загрузить так сильно?

Агностик немного приподнял голову и подложил под нее руки, посмотрев на идеалиста.

– Оказывается, Скептик не был агностиком.

Александр Гиле рассмеялся.

– А ты не знал этого, интеллигент?

– Да кто бы мог это узнать?

Так друзья беседовали практически полночи, пока все не уснули за столом. Я же поднялся и пошел к себе в спальню. Завтра меня ожидал новый день. Щелчок.

День II (10.09.37): Проблемы не тлеют даже в раю

Глава I: Авторитет

10.09.14.

Санкт-Петербург – ветреный и дождливый. Его белое небо – само безразличие. Я мчался на новую встречу со своей хорошей знакомой, к слову, разбирающейся в философии. Для женщины, как, собственно, и для мужчины, такой талант является редкостью. Таких ценных друзей терять нельзя. Мы договорились, что встретимся у вечно неработающего фонтана Приморского парка Победы. Дождь все пытался собраться над высоченными деревьями. Рядом же были слышны крики людей. Нет, здесь нет ничего странного. Просто в этом же парке находилась площадка с аттракционами. Моя знакомая наконец-то подошла.

Мы отправились к Лебяжьему пруду, где, как и следует из названия, плавали изящные лебеди. Разговор нечаянно зашел об утопиях, на что я решил изложить свою версию утопии, которую я придумал сравнительно недавно. На это моя собеседница ответила так:

– Но если такое государство и может быть создано, то ты, наверное, станешь там главнейшим авторитетом, почти богом.

Она усмехнулась. Она постоянно подшучивала над моими тотальными планами по созданию особенной религии или особенной философской школы. А вот теперь, представьте, я ей обрисовал макет «идеального» государства.

Я ответил:

– Да, скорее всего, если такое государство будет построено, то я стану авторитетом, но, если быть честным, быть им я не желаю. Но это всегда такой скользкий вопрос. Если хочешь внести вклад, то ты налагаешь на себя бремя авторитета.

– Для тебя это бремя? Я думала, что ты об этом мечтаешь.

– Бытию наплевать на то, стану ли я авторитетом, а значит, наплевать и мне.

– Всегда нравилось твое безразличие по отношению к себе, но, как ты сам можешь увидеть, проблем в этом государстве будет не меньше, чем в любом другом.

– Да, конечно. Более того, все зависит от людей. Не все могут стать ортодоксологами и понимать остальных. Люди – ограничены. Потому-то и возникает главная проблема: как отличить мудреца от притворщика? Как пресечь родственную любовь, чтобы та не вела к предвзятому оцениванию способностей своих детей?

– Хорошо, что ты осознаешь слабости своей теории.

– Это не моя теория, а просто один вариант из множества. Он, как мне кажется, смог бы обеспечить некий баланс в мире. Люди с разными мнениями были бы разделены. Да, им было бы не так хорошо, если бы все в мире разделили их точку зрения, но мы живем в мире с бесконечным количеством точек зрения. Как бы мы могли отдать предпочтение лишь одной? Слишком глубоки мировоззрения, слишком сложен человеческий ум, слишком интересны чужие мнения, чтобы поспешно от них отказываться. Но испортить мою теорию, конечно же, может все та же одногранность, против которой я и выступаю. Формализация, бюрократизация, капитализация – это все то, что может испортить любую идеальную систему. Сама посуди, все это ведь просто другие идеальные системы. Капитал существует только в головах людей, они сами придают ценность деньгам. То же и с бумажками, называемыми документами. Что уж тут говорить о формализации?

– Но что-то же должно быть формально в твоем мире.

– Да, но только самое необходимое. Я бы желал применить бритву Оккама на практике, а не в теории. Зачем умножать сущности?

– Хороший вопрос. Люди просто любят умножать свои проблемы. Так появляется иллюзия занятости.

– Если бы только иллюзия занятости. Им нравятся идеальные системы. Они желают сделать все, чтобы эти идеальные системы выглядели как можно объективнее. Представь себе, жили-были люди, которые придумали современную экономику, а она вот взяла и начала существовать по собственным законам. На самом деле её нет, а вот в наших умах – она существует. Ты в детстве когда-нибудь собирала опавшие листики с деревьев и использовала их как деньги, играя в магазин?

– Вроде было что-то похожее.

– А теперь представь, что то же самое делают миллиарды взрослых индивидов. Вот она, экономика!

Мы замолчали на несколько секунд. Вдруг моя собеседница сказала:

– Ты опять пытаешься меня увести в какие-то частные дебри. Мы начали разговор с авторитета, потому и нужно было разговаривать про авторитет.

– Прости, я всегда следую за потоком. Что ты еще хочешь узнать об авторитете?

– Тебя же будут считать величайшим из людей, если твой проект будет реализован.

– Но я не человек, ты же знаешь. Потому мне безразлично. Я следую за потоком. Если что-то случится, то как я могу радоваться или расстраиваться? Как я могу смотреть на происходящее с той или иной колокольни, когда увидел, что этих колоколен множество? Я бы не сказал, что я бы мечтал стать авторитетом, но я был бы таким же глупцом, если бы утверждал, что хочу им не быть.

Глава II: Третье убийство

07:32

Стат принялся расспрашивать всех стражей в округе о том, что могло случиться с двумя его товарищами. На расспросы он потратил несколько дней. Зоя тенью следовала за ним. Это был хороший ход, ведь ни один человек никогда бы не смог победить двух стражей одновременно. Стоит также рассказать вам немного про доспехи. Они сделаны из невероятно дорогого и прочного сплава. Проще говоря, даже от ядерного взрыва страж погибнуть не может, только если не попадет в эпицентр. Пулями эту броню не пробить, ракетами – тоже. Более того, ракетами по нему еще нужно попасть! Ловкость, сила, скорость, выносливость – все в этом костюме умножалось в разы. Проще говоря, это не просто броня, а универсальный и невероятно мощный протез, полностью не заменяющий тело, но делающий его сильнее, выше, быстрее. Страж в таком костюме мог бы с легкостью поднять грузовик, обогнать гепарда, пробежать несколько марафонских дистанций. Костюм стража – квинтэссенция военной инженерной мысли! Стоит также учесть, что прочее оружие с 2014 года практически не изменилось, потому-то стражи, являющиеся пределом военной техники, были практически непобедимы. Только лишь одно оружие могло убить стража в броне – это меч стража. По лезвию этого меча пропускался мощнейший поток ядерной энергии. Это был управляемый синтез. Вся мощь концентрировалась только на лезвии меча, когда страж его активировал. Такое оружие разрезало абсолютно все, ибо резало не сам материал, а непосредственно атомы и атомарные связи. Выглядели мечи у разных стражей по-разному, но при активации их лезвия светились красноватым цветом.

Меч Стата напоминал полутораметровую самурайскую катану из черного металла. Лезвие у него было только с одной стороны. Это позволяло стражу контактировать с обратной стороной меча. Меч Зои был похож на тонкую метровую рапиру с изящной ручкой. У него было четыре острия, пересекающихся крестом в центре. Проще говоря, Зоя могла разрубить любой материал любой стороной своего оружия. Стоит заметить и то, что при столкновении активированные мечи производят неслабый взрыв, но оружие сделано из лучшего материала, потому-то оно не уничтожается.

На этот раз наши герои надели свои металлические шлемы. У Зои был особый женский доспех нежно-серого цвета, элегантно огибающий её фигуру. Стат и Зоя продолжали обыскивать все помещения дворца, чтобы добыть хоть какие-то улики, но вместо зацепок они набрели на труп очередного стража. Его же собственный меч торчал из его головы. Девушка была напугана.

– Какой ужас!

Мужчина подошел к трупу и провел пальцами по массивной трещине на его броне.

– С ним сражался еще один страж. Теперь сомнений нет. Два других стража были убиты без применения меча. Им просто прострелили головы. Но этот – прямое доказательство того, что страж убивает стражей.

Вдруг Стат замолк. Зоя спросила:

– Что такое?

Мужчина с недоверием поинтересовался:

– В чем стоит сомневаться?

– О чем ты?

– В чем стоит сомневаться?!

– Зачем ты меня спрашиваешь? – испугавшись, произнесла девушка.

Стат заорал, схватив девушку за плечи:

– В чем стоит сомневаться?!

– Во всем и ни в чем! – в ужасе ответила она, отталкивая грубого следователя.

Мужчина упал на колени.

– Прости, прости, прости! Я должен был проверить. Я должен был. Я же могу тебе доверять?

Зоя встала на одно колено рядом со своим возлюбленным.

– Ты можешь доверить мне не только свою жизнь, но и свою смерть. Я никогда не подниму на тебя руку, ты же знаешь. Не пугай меня так больше.

Стат присмотрелся к той самой трещине.

– Прости, твоя рапира не могла оставить такой разрез. Здесь поработало лезвие побольше. Я просто сразу не обратил внимания.

Стражи поднялись на ноги.

– Стат, запомни, ты можешь мне полностью доверять, потому что…

– Да, я знаю. Прости…

– Ты никогда не даешь мне закончить эту фразу, – расстроенно произнесла Зоя.

– Прости, но сейчас не время для подобных фраз. У нас труп.

Девушка усмехнулась.

– Звучит как «у нас ребенок».

Судя по молчанию, Стат даже не улыбнулся. Он связался с другими стражами. Территория была оцеплена за первые же пять минут. Страж в одиночестве отправился к правителю. На этот раз правитель сидел за большим компьютером в особой маске, мешающей всем остальным разглядеть его лицо. Эта маска помогала ему менять голос по желанию, а классический костюм скрывал все его физиологические особенности.

– Третье убийство, – тихо произнес он.

Стат подошел еще ближе и остановился рядом. Правитель продолжил говорить:

– Знаешь, мой друг, все это очень плохо. Так это действительно страж. Есть хоть кто-то, кого ты не подозреваешь?

– Зоя – чиста.

– Она твоя давняя подруга. Как завещал Великий, надо сомневаться во всем.

– В любом случае я уверен в том, что она сдала экзамены на ортодоксолога, более того, я уверен, что она бы не стала никого убивать.

– Уверенность – обманчива, но я тоже не думаю, что стоит рассматривать её в первых рядах. Но не исключай ничего.

– Да, так завещал Скептик. Мне жаль, что ортодоксологи умирают таким образом.

– Они не знают разницы между жизнью и смертью, но для нас, живущих, конечно, терять таких ценных людей…

Стат снял шлем.

– Знаете, я никогда не сражался против стражей. Мы все время были на одной стороне силы. Два стража с легкостью могли победить целую армию. Но сражаться друг против друга…

– Для того стражей и много, чтобы в случае чего победить предателя. Скептик придумал их как регуляторов плюралистической справедливости. Сотня человек в непобедимых костюмах, которая не имеет никаких предрассудков. Важна лишь физическая форма и склонность к этической добродетели. Да, ортодоксолог, в принципе, не должен обладать какой-либо склонностью. Но на деле бывает всякое. Он может быть даже серийным убийцей. Он просто осознает свои склонности как склонности, а не как вечные догматы, которым он беспрекословно следует. Основываясь на положительных склонностях в вопросах этики, мы набираем ортодоксологов в стражи. Другим людям бесполезно доверять эту работу, потому что они просто все испортят своими взглядами, мнениями и предрассудками. Подкуплен такой человек быть не может, не может быть он и испуган. Страж потому и не должен иметь никаких взглядов, чтобы защищать взгляды других. Он действует против действий, воюет против войны, спорит против спора. Страж – это вечно действующий ортодоксолог. Ортодоксологи обычно запрутся в своих

кабинетах или на площадках для спора… Страж же работает над собой. Он не дает мнениям истребить друг друга, он не дает людям друг друга убивать за эти самые мнения. Бытию на все это наплевать, наплевать и нам, но мы плюем не так радикально, как это делает бытие. Ищи слабости во взглядах. Пытайся проникнуть в ум потенциального убийцы. Я уверен, что он играет свою роль. Но актеров разгадать не так сложно.

Правитель остановился. Стат ответил:

– Я вас понял. В таком случае я отправлюсь домой, а завтра продолжу работу.

– Мне тоже скоро уходить. Лишь утром работает правительство, чтобы, пока все спят, урегулировать все проблемы в стране. Спасибо за разговор, Стат.

Мужчина поклонился.

– Вам спасибо, правитель.

Страж покинул компьютерный зал и направился к себе домой. 10:11. Щелчок.

Глава III: Поэтический критик

11:00

Взъерошенный Анаксарх влетел в маленький кабинет одного очень известного литературного критика. Маленький усатый мужчинка сидел за столом сложа руки, видимо, много работал. Идеалист договорился с ним о встрече в одиннадцать и вспомнил о ней только десять минут назад. И вот весь потный и грязный Анаксарх влетел в очень маленький кабинет. Арест Поэтон, так звали критика, немного удивился такой поспешности. Идеалист сел напротив Ареста, не дождавшись даже разрешения. Безусловно, первое впечатление было плохим.

– Здравствуйте, – сказал идеалист.

Критик недовольно ответил:

– Здравствуйте. Вы опоздали на одну минуту. Я ждал.

Конечно же, никто и никого не ждал. Арест всем сердцем надеялся, что очередной доморощенный поэтишка не придет на назначенную встречу. Как же его достали все эти стихи про любовь, верность, вечную доброту или бесконечную грусть. Уже четвертую тысячу лет такие пишут и все никак не могут понять, что это скучно! Уже есть у нас эталоны, есть классики, есть величина, которую не переплюнуть! Зачем вы стараетесь перепрыгнуть горы? Зачем вы стараетесь обойти богов? Приблизительно так думал Арест.

Анаксарх немного помолчал, а потом ответил:

– Простите, приступим к делу?

Идеалист незамедлительно достал мятую кучку исписанных листов и встал. Арест спросил:

– Может быть, вам дать табурет?

После критик добавил:

– Позвольте, я сам прочитаю.

Анаксарх недовольно передал листки бумаги мужчине. Тот неаккуратно начал перелистывать их, лишь пробегая текст глазами. Вдруг критик усмехнулся.

– Банальщина.

– Но я же вложил в них…

– Душу? Никогда такого не видел. Нет души, есть только талант. А у вас его, сударь, нет. Рекомендую вам не писать стихи больше никогда. А если вы и беретесь писать, то не позорьтесь перед людьми, показывайте их только самым близким.

– Почему вы так грубы со мной?

– Потому что мне, к счастью, больше не придется иметь с вами дел. Удачи!

Анаксарх покинул здание издательства. Он был невероятно расстроен. Вдруг зазвонил телефон. Мужчина взял трубку. Послышался нежный голос Ареты.

– Привет, с тобой все в порядке?

Идеалист снова заулыбался.

– Да, все хорошо! Привет!

– Я хотела узнать, почему мы сегодня не увиделись? Я…

– Скучаешь?

– Да, скучаю…

Анаксарх расплылся в улыбке.

– Давай встретимся прямо сейчас!

– Но еще не готова!

– Не готовься! Я бегу к твоему дому!

– Стой, но я ведь еще не привела себя в порядок!

– Я уже бегу!

И мужчина действительно побежал! Он рванул, полетел, помчался – ничто не могло его остановить! Счастье переполняло его, пусть он и получил отказ! Это было совсем не важно! Совсем-совсем! Рядом всегда были руки поддержки, понимающие глаза, восхищенные вздохи, ласковая улыбка – рядом было все, так чего же унывать из-за малого? Возлюбленные встретились, радостно поклонились друг другу и, не касаясь, пошли в парк.

Девушка спросила:

– Где ты был?

– Я заходил в издательство, хотел, чтобы люди напечатали мои стихи!

– И как, ты договорился?

– Да, – соврал Анаксарх, – и один сборник я обязательно подарю тебе, ведь там все стихи про тебя.

– Все-все? – наивно спросила девушка.

– Абсолютно все!

Через некоторое время Анаксарх отправился к себе домой. Теперь ему нужно было придумать, где достать деньги для того, чтобы его сборник напечатали. 13:04. Щелчок.

Глава IV: Беседа с главным редактором

13:54. Александр Гиле неуверенно прокрался в то же издательство, что и Анаксарх. На сегодня он отпросился с работы. Техник пришел пораньше, чтобы точно успеть на встречу. Он аккуратно постучался и по первому же зову вошел в просторный кабинет главного редактора, Фридриха Спота. Фридрих был чрезмерно полон. Он пригласил Александра и указал ему толстой ладошкой на стул. Материалист незамедлительно сел.

– Я прочитал ваш роман, который вы отправили. Очень даже недурно. О жизни. С горечью. Да, указываете на недостатки государства. Это то, что мы печатаем как раз. Но есть пара недочетов.

Материалист напряженно спросил:

– Каких?

– Несколько глав надо просто убрать. Они – скучны. А вот эти надо переписать. Точнее, я уже переписал их.

Александр взял исправленную рукопись со стола по указанию редактора и начал вчитываться в исправления. Оказалось, что некоторые главы были изменены в самой своей сердцевине. Самые важные идеи, которые Гиле пытался нести, были сменены на противоположные.

– Но здесь же вы изменили самое главное.

– Вы согласны с изменениями?

– Трудно сказать.

– От этого зависит судьба вашего романа.

– Я согласен.

Редактор и писатель пожали руки, Александр подписал договор и покинул издательство. Он отправился на встречу со своей возлюбленной. Лиза Поэтон никого не ждала, она читала Кафку. Ей было плевать на всех своих многочисленных поклонников, а особенно на Гиле. Девушка читала. Книги – её единственная любовь. Какое ей дело было до бездарного техника, когда у нее в руках лежал гениальный Кафка? Она ловила удовольствие от каждой строки, читая мастера в оригинале. Ей не нужны были чужие ласки, любовь, признания – только книги, только красноречивые слова гениальных авторов.

Александр позвонил в дверь. Он приготовил большой букет цветов. Девушка открыла и, даже не поздоровавшись, вырвала букет из мужских рук. Дверь ненадолго закрылась. Лиза поставила цветы в вазу. Она любила подарки. Наверное, только поэтому она общалась со всеми этими примитивными мужчинами.

Гиле стоял и ждал второго пришествия. Ему было не привыкать. Девушка всегда так делала. Она небрежно открыла дверь и спросила:

– Что еще?

– Пойдем, может быть, в ресторан?

– А деньги есть?

– Конечно, ты же знаешь.

– Тогда хорошо.

Через десять минут они уже сидели за столиком в ресторане. Александр влюблённо смотрел на девушку, а та мастерски избегала его взгляда, надеясь хорошо поесть, а потом стремительно покинуть ресторан. Материалист спросил:

– Как твоя жизнь?

На самом деле нет, он не был таким глупцом, чтобы спрашивать у девушки такую банальщину. Он просто не знал, что спросить. Лиза игнорировала его почти все время и ничего не объясняла, не рассказывала. У них не было ничего общего, что они могли бы обсудить.

Девушка холодно ответила:

– Прекрасно.

Её темно-зеленые глаза блеснули. Она ненавидела весь этот примитивизм. Она мечтала о том, чтобы все её ухажеры просто приводили её в ресторан, кормили, но не пытались с ней заговорить. Так было бы куда проще представить, что их нет!

– Я тут договорился о том, чтобы мой роман издали. Представляешь?

Вдруг Лиза заинтересованно оглядела Александра. Он показался ей симпатичнее. Конечно, ведь она впервые посмотрела на него! До этого он был просто призраком, от которого убегал её взгляд.

– Роман, говоришь? И его издадут? Интересно.

Гиле полыхал от радости, ведь впервые девушка задала ему вопрос.

– Да, роман, который я писал все это время!

– О чем он?

– Об окружающем нас мире, об этом государстве, об этих несчастных людях. – Александр хотел, конечно, добавить и «о тебе», но решил сдержаться.

– Ох, это уже интересно, а я думала, что ты просто техник.

– Я же тебе уже рассказывал, что пишу.

– Точно? Я просто прослушала.

Да, действительно, девушка не слушала мужчину до этого. Только слово «издадут» привлекло её внимание. Это, конечно, ничего не значило, но привлекло её интерес. Александр уже не казался ей тем самым нулем, который водил её по ресторанам. Он стал казаться ей человеком. После недолгого молчания она спросила:

– А это твой первый роман?

– Роман – первый, но я уже давно пишу прозу.

– Почему ты тогда работаешь техником?

– Нет выхода, жизнь прижала. Нужны деньги.

– Понятно. Знаешь, многие писатели первое время с трудом выживали. Это нормально.

– Надеюсь, что меня издадут, и тогда я смогу уволиться с работы.

– Меня радует, что ты не хочешь всю жизнь быть техником.

– Почему же?

– Ну, техники, как мне кажется, все бессердечные и тупые существа. Более того, еще и высокомерные.

Девушка улыбнулась. Александр повесил голову.

– Значит, ты и обо мне так думала?

– Пока что моя система определения гнилых людей не подводила.

– И как же ты их определяешь? – поинтересовался мужчина.

– Просто. Все по умолчанию гнилые.

Гиле усмехнулся.

– Не слишком ли много гнилых людей?

– Но так и есть. Я родилась в семье, где все были испорчены и безразличны. Только в произведениях классических авторов я находила чистоту и искренность. Только в них я видела достойных людей, непустых. Большинство же людей влачатся за своими низкими желаниями. Они похожи на животных. Но в тебе я сейчас увидела проблеск. Я хочу почитать твой роман.

Глаза Александра загорелись.

– Хорошо! Я принесу его на следующую встречу!

– Не торопись. Мне еще нужно дочитать Кафку.

– Что именно ты у него читаешь?

– Все. Мне сначала нужно дочитать всего Кафку.

– Хорошо.

После обеда Гиле проводил Лизу к ней в квартиру, и они распрощались. 17:47. Щелчок.

Глава V: Ректор и шуньявада

18:23.

Агнос мчался к ректору. Он опаздывал уже на полчаса. Ректор был в бешенстве. Он ходил из стороны в сторону, ожидая бегущего агностика. Внезапно преподаватель залетел в кабинет.

– Здравствуйте, я почти не опоздал!

Ректор посмотрел на Агноса с ненавистью:

– Ты все время опаздываешь!

– Простите! О чем вы хотели поговорить?

– Сядь!

Агнос сел. Саймон Тул, ректор, встал за своим большим креслом.

– Послушай, Агнос, ты должен понимать, что я ни в чем не виноват. Сверху спустили приказ, что я должен сократить некоторых работников. Ты вошел в их число.

Агностик уже не мог ничего ответить. Он просто сидел и молчал. Более того. Мужчина чуть не заплакал. Его ждал долгий и унылый вечер в баре. К нему подсел незнакомый лысый мужчина, обмотанный оранжевыми тряпками.

– Здравствуйте, – сказал незнакомец, – мне кажется, что вы чем-то недовольны.

Агнос апатично посмотрел на него.

– Что вам нужно? Уходите!

– Мне кажется, что вы только что потеряли смысл своей жизни.

– Если даже и так, то что вам до того?

– У меня тоже нет смысла жизни. И это не так уж и плохо.

– Да что вы можете знать об этом?

Мужчина начал спокойно рассказывать:

– У меня когда-то была семья. Любящая жена и две очаровательные дочки. Одной было шесть лет, а другой — три. Однажды мы отправились на море. Все было прекрасно. Я был счастлив. У меня была самая лучшая жизнь, какую только можно было себе представить, но в одно мгновение все прервалось. Моя жена купала младшую дочку, учила её плавать, старшая находилась рядом. Я загорал. Вдруг послышались крики. У меня на глазах две акулы разорвали мою старшую дочь, после – жену, а потом долго играли с недвижимым тельцем трехлетней.

На последних словах, казалось бы, мужчина был готов заплакать, но после снова пришел в себя. Он продолжил безлично рассказывать эту историю так, будто она никак не была с ним связана.

– Сначала я застыл на месте, я не знал, что делать в таких ситуациях. Я просто смотрел на акул. У меня в голове не укладывалось то, что происходит. Буквально через несколько секунд я бросился к воде, чтобы отбить мертвые тела моих родных у этих беспощадных животных, но споткнулся, упал на землю лицом в песок и истерично заплакал. Впоследствии я попал в психиатрическую лечебницу. Там меня нашел мой гуру.

Агнос переспросил:

– Гуру?

– Учитель. Он научил меня перенаправлять энергию моих страданий в русло освобождения.

– Ах, так ты какой-то там буддист.

– Какой-то там… – протяжно пробурчал мужчина, – вы, любители быстрой мудрости, всегда слишком поспешны и судите по поверхности. Расскажи мне свою историю.

– Меня уволили с работы.

– Она была тебе так дорога?

– Я был преподавателем в лучшем университете самого лучшего города. Я обожаю просвещать студентов. Мы обсуждали с ними различные книги, учились их правильно читать, мы погружались в их бесконечный и прекрасный мир.

– Ты потерял все, у тебя сейчас много негативной духовной энергии. Позволь, мы вместе перенаправим её в нужное русло.

– Нужное русло? А оно есть? Я сомневаюсь.

– Все можно проверить. Если тебя не устроит тот путь, который я предлагаю, то ты покинешь меня.

– Похоже, ты предлагаешь мне другую дорогу. Но я не могу тебе так просто довериться.

– Нет, мой друг, ты не можешь довериться себе. Это куда хуже. Все твои старания обращаются в пепел, этот мир показывает тебе, что ты не являешься его владельцем, он давит на тебя, а ты хочешь получить от него хоть что-то. Это ведет к страданию. Ты хочешь вечно страдать?

– Нет.

– Но причина страдания в неведении. Потому тебе нужно научиться.

– Научиться чему?

– Тому, что есть средство, которое может излечить тебя от страданий.

– И каково это средство?

– Правильное воззрение, правильное намерение, правильная речь, правильное поведение, правильный образ жизни, правильное усилие, правильное памятование и правильное сосредоточение.

– Какое-то слишком комплексное средство, и все в нем правильное. Но я не верю в правильное.

Буддист усмехнулся.

– Какова болезнь, таково и средство. Если бы страдание можно было победить простыми средствами, то кто бы мог от него страдать? А правильность – это залог избавления от страдания. Все, что ведет к окончательному прекращению страданий, – правильно.

– Логично, с виду. Но я все равно никуда не пойду.

– Просветление начинается с малого.

Мужчина передал Агносу визитку. Они распрощались. Агностик отправился домой. 22:45. Щелчок.

Глава VI: Бесконечная фантазия

23:30.

По сложившейся традиции мы собрались за круглым столом, чтобы перекусить и обсудить все происходящее. Агнос был в стельку пьян, потому никак не мог принять участие в беседе. Анаксарх, как ему и положено, радостно ликовал, забыв о том, что его никто не собирается печатать. Стат и Александр же были озадачены.

Материалист спросил у идеалиста:

– Чего радуешься?

– Меня не напечатают, и мои стихи останутся только моими стихами. Никто, кроме моей любимой, их не прочтет. А ты чего грустишь?

– Меня напечатают, и это, конечно же, доставит мне ряд проблем. Я устал от всего этого. За что ни возьмешься, везде лишние заботы. Этот мир – мир забот.

Стат посмотрел на своих приятелей.

– Мир таков, каким мы его себе представляем. Так говорил…

Гиле нагло перебил стража:

– Совершенно мудрый?

– Да, именно.

Александр не успокаивался:

– Но нас не интересует то, как мы себе представляем мир. Нас интересует то, какой он на самом деле. Что бы на это ответил твой мудрец?

– Можно предположить, что он бы обратил внимание на словосочетание «на самом деле». Трудно вообще понять, что оно значит.

– Мне, например, понятно!

– Как и каждому в отдельности… это понимается по-разному. Потому мы и не знаем, что есть истина. Мудрейший учил понимать чужие мнения.

– Зачем вообще понимать чужие мнения, если только одно из них правильное?

– Какое?

Гиле улыбнулся:

– Мое.

– Вот видишь, не все так плохо в этом мире. Ведь хотя бы твое мнение является истинным.

Анаксарх засмеялся.

– Как же вы быстро приняли решение об истинности того или иного мнения.

Стат серьезно ответил:

– А нет смысла тянуть. Доказывай или нет – логику саму надо доказывать. Каждое слово – сомнительно, как и каждое чувство. Почему бы нам не принимать решения быстрее?

Идеалист засмеялся еще пуще:

– Да, мне нравится. Теперь-то у Гиле появился хотя бы малейший шанс, чтобы обойти меня в спорах.

Александр был взбешен таким поворотом событий:

– Это ты всегда проигрываешь в спорах!

– Что-то не припомню ни одного своего поражения!

Стат усмехнулся. Мы все были шокированы этим, он проявлял эмоции слишком редко. Агнос даже немного протрезвел.

– Ребята, прекращайте спорить, а начинайте понимать. Так…

– Говорил Первый Сомневающийся! – еле-еле вымолвил Агнос своим пьяным голоском.

Стат снова стал серьезным.

– Как же вы не любите основателя нашей цивилизации. Без него все эти мнения не могли бы существовать в целостном единстве.

Александр очень зло засмеялся:

– Конечно, не могли бы. Но из-за него к власти не может прийти истинное мнение. Мы довольствуемся каким-то полуфабрикатом государства, где перемешивается абсолютно все, но из этого всего истины – самая малость.

Стат холодно посмотрел на него.

– Всё это и есть истина. Другие же способы существования не дают и шанса истине. Истина умирает там, где правит ложный догматизм, но торжествует там, где правит истинный догматизм. Суть же проблемы в том, что нам нужно отличить истинный догматизм от ложного, что, как показывает опыт, невероятно сложно.

– Все не так сложно, как кажется. Мы с вами так много спорим, но из-за вашего упрямства так и не пришли к истинной точке зрения.

Анаксарх спросил у Александра:

– К твоей?

– Да, к моей. Ибо я привожу самые убедительные аргументы, а вы меня не слушаете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.